

ДЖИГИТ И ГРАЖДАНИН

О координатах нравственных исканий молодых героев Роллана Сейсенбаева

Проза Роллана Сейсенбаева – явление в многонациональной нашей литературе. Он автор романов «Лестница в никуда», «Если хочешь жить», «Ночные голоса», «Бегство», «Трон Сатаны», нескольких повестей, цикла рассказов, а также десятков пьес и киносценариев.

В казахской литературе последних десятилетий набирает силу стремление воссоздать живую, полнокровную картину исторического бытия народа. В этот контекст национальной прозы органично входят и остросовременные произведения Роллана Сейсенбаева, исповедующие правду. Его критики отмечали, что в этих произведениях идея целостной судьбы казахов прослеживается и утверждается на материале сегодняшней жизни, что историческое здесь ни в коем случае не отрицается современным, присутствует в нем естественно. Из этой почвы-синтеза прорастает и чувство исторического оптимизма, свойственного мироощущению героев писателя. Они не оторваны от жизни, они – в ее эпицентре, и всё, что происходит в ней, кровно касается и их, зависит от их прямого участия.

Настоящему таланту есть что сказать, а нам, читателям, есть чему, с интересом и пользой, внимать в его повествованиях.

Пытаясь понять космос казахского народа, я принял с увлечением к роману «Трон Сатаны», потому что тут – про современный Казахстан: что же случилось? Как устроились жить некогдашние кочевники в городской цивилизации?

Следует сказать, что Р. Сейсенбаев писал роман, как бы применяя кочевую тактику: он заманивает читателя как противника на свое «угощение», за свой «дастархан»: вот ввел двух персонажей, срастил их с сюжетом, заинтересовал – и оставил на время; и тут же налетает другой сюжет-вихрь, с другой парой действующих лиц (но один из них уже знаком – он как связной в нитях плетения); и так – волна за волной – на протяжении всего повествования. В итоге выстраивается юрта-космос романа, вмещающая в себя объемное целое бытия.

Но эти круги и волны – не только горизонтальны, как барханы, но и вертикальны во Времени и Пространстве. Во-первых, в пласты прошлого уходит взгляд писателя: послевоенная разруха и бедность, война; глуше – о предыдущих событиях: у бабушки из восемнадцати детей за драматическую историю нашу остался жив лишь один сын Ескендир; наконец, в толщу преданий: как бы доисторическое время черпается в песне акына-жырау о батыре Кушикбае, о Чести и Мужестве прощения.

А во-вторых, в Пространстве выстраивается пирамида существования, или здание общества с его «подвалом», дном, исправительно-трудовым лагерем, куда после рыцарской драки за честь возлюбленной попадает главный герой. И если в двух первых частях романа – среда литературно-художественной богемы, студенчества, где всё так легковесно и люди чуть ли не «с жиру бесятся» в перекрестных адольтерах, то в третьей, завершающей – «дно», что аналог ада, – «не до жиру – быть бы живу»: там мир блатной (недаром и с «Калиной красной» Шукшина тут идет некий диалог) и закон жесткий: пахан и поножовщина – там «трон сатаны», как у Данте в десятом круге «Ада». Так что в эмоциональной гамме романа сначала весело, а потом грустно и даже жутковато...

Окончив чтение, я задумался: а ведь нет в романе описания помещений, домов, обстановки, всё нейтрально: безликие квартиры современного дома, номер гостиницы, даже в лагере барак и нары не выписаны... Внешняя деталь? Не совсем: она говорит об отсутствии БЫТА, устроенности, а значит, и основательной устойчивости – оседлой или кочевой (и у кочевья есть своя стабильность – неизменность эллипса годовых передвижений, стойкость быта и обычаев). Тут же многие герои – как стронутые, ни на чем не держащиеся души, как пылинки, чуть что – сдуваются. Даже в своем теле еле держатся (недаром нет и портретов, что степень прилепления души к телу знаменуют) – не в том смысле, что нездоровы-хилы, а с легкостью отдаются страстным вихрям души: то любовно-чувственной страсти, то ошеломлению гнева и императиву чести, что неудержимо влечет на схватку зверину, на нож и смерть.

А ведь почти все герои романа такие милые молодые люди, но какие-то непутевые и бестолковые: не имеют и не умеют, чем и за что держаться в жизни. Старые устои рода и традиции, что предопределяли поведение и ритм жизни каждого индивида, размыты, унеслись в невозвратимое прошлое, в сказку уже и легенду... Последняя из них Макпал – бабушка Абылая. Но хорошо потрудились история в XX веке над усечением родо-жизненных корней: много было оснований, по каким восемнадцать ее детей были на разных перегонах убиты. Поколение отцов – самумом Войны изучено, отозвалось время и на женщинах: Айша, мать Абылая, стала пить, потеряла волю... А уж следующее поколение – основной костяк действующих лиц – совсем безгнездые существа; если и свивается случайно всё же семья с дитятей, то она – уже изначально подпорчена на лжи. Сауле, обесчещенная неким подонком в джинсах, не находит в себе силы признаться в этом Абылаю. Хотя и любит его, но выходит замуж за комсомольско-аспирантского карьериста Салима (вот уж человек «положительный», усвоил, в чем стабильность новая: в иерархию государства вращаться), и вот она уже катает коляску, но ей стыдно перед сестрой Абылая, который, вступаясь именно за честь Сауле, пырнул негодя ножом и попал в лагерь... Распалась и семья художника Кайрата: бросил он свою Катиру с дочерью Айгуль, не прожив и года, а ведь ожидал-хотел любви единственной. И вот она пришла – любовь на всю жизнь к Баян-журналистке. Они встречаются урывками в течение нескольких лет и прочней друг к другу привязаны – и почему бы не пожениться?... Но Баян мешает неотступное видение разбившегося летчика – ее первого мужа, Омара, романтического, хотя ею и не любимого...

Что за напасть такая? Почему все позитивности так зыбки, неустойчивы?

Молодые герои словно держатся за свое переходное состояние: быть свободными душами, тонко и остро чувствующими голоса и зовы внутреннего мира души и жизненной воли своего природного существа, – но не дать себя встроить в тяжкие формы быта, и вообще во все структуры гражданско-цивильного существования...

В воспоминаниях Абылая проходит диалог родителей, услышанный им в детстве: отец хочет, чтобы он стал юристом, мать – человеком искусства. Но итоговый вывод: «Если Абылай вырастет настоящим джигитом, кем бы он ни был, мы не зря проживем свою жизнь».

«Настоящим джигитом»... Осторожно с этим идеалом. Давайте-ка вдумаемся.

Значит, наши казахи «третьего поколения» – раскованные, хотел сказать, «индивидуальности»... Но осекся. Они как раз малохарактерны; все на одно лицо: девушки – милы, тонки и отзывчивы; молодые люди – хорошие друзья, понимают искусство и поэзию, все талантливы и что-то обещают в будущем. Но ведь индивидуальность – это уникальная особенность ума и характера. Так, неповторимы кузнец Бекболат, певец-жырау Сабыр, что лейтмотивную сквозь роман легенду о чести батыра Кушикбая рассказывает. Даже в тех, кто принад-

лежит поколению отцов и матерей, больше характерности – от судеб разных, от перипетий, в какие их ставит жизнь. Но у наших новых – очень уж однообразны ситуации, в которых они оказываются: учеба, стройотряд, дружба, девушки, искусство-газета... Бедновато, невариантно. И, как это ни парадоксально, скорее на «дне», в колонии характеры: пусть изувеченные шрамами необычной жизни, но в них есть судьбы, черты натуры и особенности языка. Тут оплачены муками тела резкие реакции души в свободном мире, на «гражданке». Но все эти Кобыланды, Юрченки и Пантеры – так ли уж виноваты? Изувечены войною, изменой матерей отцам – и затаили злость на прочее...

Итак, наши милые молодые пока лишь потенциально герои. Им дана Свобода, они в ее пространстве. Но... не знают, на что ее употребить. Какие ценности ими руководят? Шампанское, любовь, талант и ожидание творчества, милая богема, что на себе печать меланхолии уж носит: ведь не век же ей (богеме) быть, и хорошо, кто молод из нее уйдет (да и из жизни), как поэт Мукагали или художник Даулет...

Значит – свободны. Куда ж вращаться? В какой идеал?

Есть высший идеал – Личность. Ею стать – свободной и самообуздывающейся. На пути к ней гражданин Ескендир, отец Абылай, честный и неподкупный судья, что не поддается на родово-патриархальное кумовство и не покрывает взяточника; но и самому ему за это врезали, наказав жестоко его сына. Однако он терпит стоически – страж порядка и в державе, и в самом себе: не дает разнуждаться стихии – гнева ли, страсти ли...

Но что-то скучновато для молодых этот идеал – Гражданина, жителя цивилизованного общества и города. Душу манит иной идеал – из золотых преданий: «Джигит» во казахстве – как «Джентльмен» во английстве: всенепрерывное и всеприсущее свойство... А что такое джигит? Это удалой человек и, прежде всего, человек Чести. Но и Мести (недаром они в рифму), значит не прощает обид, удар за удар, око за око... Как батыр Кушикбай в боях с джунгарами и в поединке с Анархоем. Ветхозаветная стадия сознания, этики.

Абсурдность действия прежних идеалов в новой ситуации и являет роман Сейсенбаева. И это просто жизненно-самоохранительно для народа и духа становится. Закон воздержания от насилия (хоть бы и геройского) переводит шкалу ценностей в душе казаха на иной диапазон, на иные волны, на иные понятия.

И тут впереди как идеал – образ Личности: той, что не кипящей силою и волею возвышается, но пониманием ближнего, жалением. То есть идеал не силы, а как бы слабости, но которая есть как раз выражение силы духа и его власть над собой, над своими инстинктами.

Уважать закон и отказаться от самосуда – к этому приходит наш Абылай в исправительно-трудовом лагере. И всё же рок идеала джигита подстерег, ударил его: вступился за друга в драке с паханом – получил ножом в бок...

Также и авторитетом предания примирение и прощение проповедуются: когда молодой батыр Кушикбай, победитель старого и подловатого Тобета, по просьбе мудрецов-аксакалов не убивает противника. Также завещается и мир с другими народами: во любви взаимной Кушикбая и джунгарской пленницы.

Никто в романе не может быть свободной личностью, не может самодержаться в этом состоянии, но сдувается ветрами степными (ветры кочевья еще в душах, по Психее казахства прокатываются)... Что значит – извечная привычка быть всем вместе, друг с другом, а не САМОдержаться! Но в мире цивилизации надо вырабатывать в себе иной устой – уважение закона и порядка, поступаясь джигитством.

Дивно, как бывшие кочевники, попав в свободу, в город из природы, блуждают, как сомнамбулы, не усматривая предметов положительной привязанности! Вспомним, какие миры открыла европейская гражданская жизнь – просто в

ухаживании за женщиной, в культуре «страсти нежной»! «Новая Элоиза», «Вертер», тургеневские сюжеты, да и любовь Абая и Тогжан в романе Мухтара Ауэзова... Какие устремления-страсти в душе возгораются, когда случаются переходы с одного уровня-круга сословия на другой (Арган из «Мещанина во дворянстве» или Растиньяк из «Отца Горио» и т. д.). А тут мир наружный упрощен, примитивен, мало интересен... И, судя по некоторым деталям (звонкам начальников-заступничков за родственничков судье Ескендиру, и образу комсомольчика Салима), совершенно неэстетичен и непривлекателен.

Но тогда возлюби свое дело, свое творчество – пуще джигитства! Да, этот путь-выход намечен поэтом Мукагали, художником Даулетом, юристом Ескендиром. Путь труда-творчества и любви как семьи – вот тот положительный вектор-направление, в каком возможен побег из лагеря своей собственной Психеи, где свил трон сатана, присоавшись к идеалу «джигитства». Вот в чем человеку спасение от свободы, не наполненной смыслом.

А смыслы надо сотворить, выткать их из себя, никто их не преподнесет. Свобода есть творчество, а не потребление: свободу не получают, ее создают через созидание Личности в себе.

И первый тут начаток – воздержание от насилия, от кипящести джигитства. Да, сумей осилить накат нетерпения, тот моментальный позыв, каким тебя «бес» подмывает-хватает (он именно на скоростях работает – потому мы все и крепки «задним умом»). Так вот: осадил себя, как коня горячего, и направь эту энергию, что в джигитстве выплескивается в степь, в смерть, на восхождение души своей в высоком самовоспитании, где тонкость и понимание ближнего, любовь и милосердие.

На то есть и мудрая старая казахская пословица, что лейтмотивом в романе проходит: «Если не спешить, то и на арбе можно зайца догнать».

И вместо идеала Чести да заработает – Совесть.

В чем тут разница? В идеале Чести я вижу грех-вину-ошибку другого, сам же себя – правым и судящим. В чести и мести за нее – я сужу другого. В Совести же я гляжу внутрь себя и обнаруживаю, что сам-то я не больно хорош, чтобы браться судить другого... И на основе этого чувства – воздержание от действия злого возможно.

В романе изображены души ярко эмоциональные, даже экстатические, чего-то благого взыскующие. Но не справляются с нагрянувшим при переходе от простоты кочевья к сложности гражданского общества с множеством ценностей, противоречивостью понятий. И выход – в поступательном развитии гражданской и духовной культуры и в личности, и в обществе.

Несколько слов о повестях Роллана Сейсенбаева.

Каждая из них имеет свой сюжет, своих героев и свое место в пространстве и времени. И вместе с тем это как бы вехи того пути, который прошел автор, прежде чем создать «Трон Сатань» – самую глубокую и объемную на сегодняшний день его вещь. Читателю интересно проследить, как размышления персонажей «Бегства» отзываются в образе Макпал, матери Ескендира, хранительницы семейного очага. Разрабатываемая в «Днях декабря» тема взаимоотношений художника и общества получит более полное воплощение в метаниях, падениях, взлетах и озарениях Кайрата и его друзей.

Однако это всё же не «подмалевки» к роману, а произведения, которые имеют право на автономное существование, ибо на небольшом числе страниц выпукло показаны и судьбы людские, и быт, и думы людей, не важно – «простые» они или «сложные».

Синтез экзотического и обыденного является, пожалуй, основным формальным признаком построения повестей. Ретроспективные картины бедствий гражданской войны в Казахстане и размеренная жизнь дальневосточного портового

городка, детективная закрученность сюжета, когда высадившиеся диверсанты, на вербованные фашистами для «Туркестанского легиона», сталкиваются с обитателями степей и гибнут в песках... Загадочный, элитарный мир кино; провинциальный аэропорт, битком набитый пассажирами; общежития, гостиницы; радость удачи и семейные дразги... Именно эта совокупность, дробность и высекает искру искусства, еще раз доказывая, что существует оно не в безвоздушном пространстве и питается отнюдь не только святым духом.

Внешняя занимательность, кинематографичность – это крона, а корни – в народной жизни, в том многовековом укладе, который не может и не должен исчезнуть бесследно. Не случайно одной из самых притягательных сцен повести «Так ждал я это лето» является танец, когда в едином кругу сошлись отступники и храбрый маленький Сеиль, сын степей. Сошлись, чтобы на считанные секунды стать народом, прежде чем окончательно размежеваться в кровавой драме.

И «Бегство», оно о том же: о тяге к родной земле, которую ты покинул, обогрив своей и чужой кровью, но жизнь без которой оборачивается жалким и бесцветным существованием. «И не было им прощения от родной земли», – заканчивает автор историю двух бывших басмачей Кудайбергена и Бексултана, на исходе своих дней возвратившихся на родину. Нет прощения, но они и на это согласны. Ведь САМИ вернулись, не могли не вернуться, ибо есть нечто высшее в человеке, что не может быть отринуто им, если он не хочет превратиться в прах, в пустоту.

Символична встреча казахского кинорежиссера из «Дней декабря» с его польским коллегой, который, пройдя ужасы гитлеровских концлагерей, возвратился в Польшу, но и его прошлое мучит своей недосказанностью. И душевные метания этого человека столь созвучны с тревогами молодого казаха, что дают последнему творческий импульс, поддерживают. Здесь национальные мотивы вырастают до общечеловеческих, всемирных и возвращают слову «интернационализм» его первоначальную и единственную суть – понимание разными по крови людьми друг друга.

Характерно, что большинство других произведений Р. Сейсенбаева тоже густо населено «детьми разных народов», которые, помня о своих национальных корнях, вместе живут, вместе обустраивают эту землю, вместе побеждают и проигрывают, радуются и печалются. Отрадно, что тема дружбы народов проводится им последовательно и неустанно, внося свой вклад в разрушение мифа об изначальной, априорной вражде и несовместимости.

Горькие концовки у повестей, но не та это печаль, когда опускаются руки и взор застит сплошная черная пелена. Это горечь людей гибнущих, или заблуждающихся, или временно сбитых с толку. Но в ней же и надежда, что горький опыт этот не пройдет даром. Скорее не для персонажей, а для читателей.

Сгорающие судьбы хоть на миг да озарят путь, и количество света в мире увеличивается.

А мир этот становится всё более сложен. Движимый добрым намерением поступок может оказаться глуп и вреден и даже безнравствен, если не сопряжен с глубоким раздумьем, рефлексией. Гамлетова пора размышления наступает для некогдашнего бурно реактивного джигита. Но она – тоже ценность, ибо разбивает в нас внутренний мир, личность. А личность – уже опора и устой нового общества, основанного не на бездумном покорстве традиционному обычаю или предписанному единомыслию, по принципу: «как все – так и я», «не высывайся!» и «не возникай!», – но на том, что каждый человек – это Гражданин и смеет «свое суждение иметь». Творчество выдающегося художника слова Роллана Сейсенбаева содействует пробуждению самосознания, что так взыскуемо ныне нашими душами!

Георгий ГАЧЕВ
Москва, 1986